

ноклассная школа в м. Свислочь (Волковысский уезд), общественное училище в с. Горках (Слонимский уезд), народная школа в с. Тростянице (Бельский уезд). Оказывалась помощь церковным школам со стороны и Св. Синода. Так, в 1884 г. Могилёвскому училищному совету было выделено 1000 руб., в 1886 г. – 3000 руб. Полоцкий епархиальный училищный совет, получив денежную помощь от Св. Синода, в 1885 г. смог назначить пособие 23 школам. В 1886 г. Св. Синодом были разосланы программы церковно-приходским школам.

Содействовали открытию церковных школ и местные гражданские власти, которые, в отличие от предшествующего периода, издавали иногда более жесткие циркуляры. Так, могилёвский губернатор, узнав о противодействии и равнодушии некоторых сельских старост и волостных старшин, издал циркуляр, в котором предупредил сельское начальство об ответственности и взысканиях в случае «не только противодейственного, но даже равнодушного только отношения» к церковно-школьному делу.

Благодаря совместным усилиям гражданских властей, Министерства народного просвещения, руководителей епархий, в первом отчётном году после издания «Правил» удалось добиться увеличения количества церковных школ. Так, в Минской епархии было открыто 738 новых школ. Увеличение количества церковных школ наблюдалось и в других белорусско-литовских епархиях, за исключением Могилёвской. В Могилёвской епархии наблюдался небольшой спад количества школ в течение 2 лет. В первый год после издания «Правил» 1884 г. здесь насчитывалось 896 школ с 17489 учащимися (на 2 школы и 398 учащихся меньше, чем в предшествующем году). Тенденция к уменьшению сохранилась и в последующий год. Однако, в результате предпринятых епархиальным руководством и гражданскими властями мероприятий, количественный спад церковных школ был предотвращён.

Рост количества церковных школ на территории Беларуси продолжался до начала XX в. Причём в первое десятилетие после издания «Правил» этот процесс происходил в Беларуси наиболее интенсивно, чем в большинстве губерний России. В 1893 г. все епархии, в состав которых входили белорусские губернии, находились в числе первых пяти по количеству школ в расчёте на 100 церквей; по количеству и состоянию церковных школ так называемый Северо-Западный край занимал второе место в Российской империи. Наибольшее количество школ действовало в Минской епархии в 1900 г. – 1806; в Гродненской, Литовской, Могилёвской в 1901 г. – соответственно 1295, 940, 1714; в Полоцкой в 1905 г. – 906. В целом, в 5 белорусско-литовских епархиях больше всего церковных школ существовало в 1901 г. – 6403, в то время как в Российской империи в 1903 г.

До начала XX в. наблюдался и рост количества учащихся в церковных школах. Больше всего учащихся обучалось в церковных школах в Минской епархии в 1903 г. – 48782; в Гродненской, Могилёвской, Полоцкой в 1905 г. – соответственно 39036, 63670, 29748; в Литовской в 1906 г. – 24044. Соответственно в эти годы на одну школу в среднем приходилось: в Гродненской епархии – 35 учеников, в Литовской – 29, Минской – 30, в Могилёвской – 42, в Полоцкой – 33. В целом, в 5 белорусско-литовских епархиях наибольшая численность обучающихся приходилась на 1905 г. – 204222, в то время как в Российской империи на 1906 г.

С 1902 г. в белорусско-литовских епархиях наблюдается сокращение численности церковных школ (в Российской империи в целом аналогичный процесс начался с 1904 г.). Наиболее интенсивно этот процесс происходил в годы

революции 1905 – 1907 гг. Число школ уменьшилось на 921 (это почти шестая часть всех существующих школ в 1904 г.). В 1907 г. по количеству церковных школ белорусско-литовские епархии среди 65 епархий Российской империи занимали 3 (Минская), 4 (Могилёвская), 11 (Гродненская), 26 (Литовская) и 27 (Полоцкая) места. В годы революции 1905 – 1907 гг. произошло интенсивное сокращение и общего количества учеников в школах духовного ведомства.

Падение популярности церковных школ в начале XX в. среди населения Беларуси заставило руководство епархий проводить интенсивные работы по улучшению материальных условий их существования, совершенствованию учебно-воспитательного процесса, созданию более эффективной системы подготовки и подбора педагогических кадров. В результате, начинается новый этап в развитии церковно-школьного дела, который характеризуется повышением качества деятельности школ духовного ведомства. Накануне первой мировой войны все сельские церковно-приходские школы белорусско-литовских епархий были включены в школьные сети всеобщего начального обучения.

Включение церковных школ в школьные сети имело огромное значение, так как эти школы могли получить значительные дополнительные государственные ассигнования. Так, Могилёвская епархия с 1910 г. стала получать дополнительно 227620 руб. в год, что позволило уравнивать материальное положение учителей церковно-приходских школ с учителями земско-министерских училищ [3, с. 572].

Включение сельских церковно-приходских школ белорусско-литовских епархий в школьные сети всеобщего начального обучения свидетельствовало о том, что в конце первого десятилетия – начале второго десятилетия XX в. церковно-приходские школы Беларуси в отношении образовательного ценза учащихся, программ, методов, сроков и результатов обучения стояли на одном уровне с однотипными школами других ведомств. Таким образом, Православная церковь оказала огромное влияние на развитие начального народного образования в конце XIX – начале XX в.

Литература:

1. *Определение Минской духовной консистории, 26 марта 1884 года состоявшееся, об открытии церковно-приходских школ в Минской епархии // Минские епархиальные ведомости. – 1884. – № 9. – С. 269–278.*
2. *Местные распоряжения (Положение о ЦПШ) // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 5. – С. 38–39.*
3. *Барнатный, И.И. Новая эра в жизни церк.-прих. школ епархии // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17. – С. 572–574.*

ЯНУШЕВИЧ И. И.

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПО УЧЕБНО-
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ БГУ

ПОПЫТКИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ» АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1917-1930-Е ГГ.)

Приход к власти в Российской империи в 1917 г. сил считавших, что ре-

лигия и церковь являются препятствием для нормального социально-политического развития страны, не был случайным. Развал государства начинается с разрушения объединяющих общество идей и институтов. Именно таким объединяющим фактором для восточных славян стало православие. Формирующееся на основе христианских традиций государство стало привлекательным и для народов исповедующих другие религии. Православная церковь выступила оплотом державности, как источника обеспечения наиболее благоприятных условий для проживания местного населения. Это по достоинству оценили и внешние силы, стремящиеся определять здесь внутреннюю политику. Для разрушения российского государства была избрана идеология однозначно враждебно относящаяся к религии и церкви. Навязанные социал-демократическому движению в России лидеры были запрограммированы на уничтожение духовно-нравственных, культурных и государственных традиций народов империи.

Государство и Русская православная церковь (РПЦ) практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. Но была и другая сторона деятельности Церкви. Она должна была выполнять навязываемые функции идеологического надзирателя, рупора царизма. В целом рационализм государственно-церковных отношений столетиями давал положительный для общества результат. Народ черпал в православии силы для преодоления всех бурь и несчастий, пронесшихся над Отечеством. Однако петровские синодально-консисторские пути, не позволявшие Церкви выполнять свою главную функцию – духовное служение – во многом и привели к расцерковлению общества, падению нравственности, распространению радикальных политических и религиозных идей. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, не отвечая на острые вопросы времени, РПЦ отдаляла себя от людей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а в замен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [1, с. 26]. Все это в свою очередь привело к событиям 1917 г. и к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России. Социально-политические преобразования в кардинальным способом изменили систему государственно-церковных отношений. К власти пришло атеистическое правительство, объявившее беспощадную войну религии и церкви.

Для удержания власти большевикам необходимо было сформировать систему мер по минимизации военно-стратегических, экономических и пропагандистских возможностей своих оппонентов, количество которых значительно превышало число сторонников. Массовые репрессии и отъем собственности дополнялись активной агитационно-пропагандистской работой. Именно навыки и достижения в которой и стали во многом залогом успеха октябрьского переворота в Петрограде. Умение убежденно говорить о том что хотели слушать люди в условиях оппозиционной деятельности качественно отличались от того чего ожидали от властителей. Привычка проводить подмену понятий и постоянный поиск причин для критики оппонентов привели большевиков-антирелигиозников к мысли о том, что дискредитация религии и церкви является самым эффективным и безопасным способом борьбы с ними. Для осуществления и оправдания антирелигиозной политики в стране с незначительным количеством существующих и потенциальных атеистов необходимо было подвести обоснование. Принято

считать, что идеологической основой стал материализм или как потом было названа его высшая форма – «научный атеизм». Практика показала, что при непосредственном продвижении безбожья в массы требовалось нечто более понятное и доступное потенциальным объектам «переделки на атеистические рельсы».

Задача перед исполнителями стояла чрезвычайно сложная. Несмотря на нигилизм, увлечение оккультно-мистическими практиками и радикальными политическими идеями российское общество оставалось весьма религиозным. РПЦ являлась стратегическим идеологическим противником большевиков в их претензии на право влияния на мировоззрение населения. В самом деле наблюдался процесс «противоборства господствующей (коммунистической) псевдорелигии со всеми остальными религиозными течениями» [2, с. 217]. Главной задачей антирелигиозников стало привлечение в ряды материалистически настроенных граждан как можно большего количества верующих и в первую очередь из числа православных христиан. Первейшую роль в этом процессе должно было сыграть естествознание «проникнутое идеями воинствующего атеизма». В эффективности подобной деятельности в российской действительности сомневались многие, однако публично высказаться мог позволить себе только И. Сталин: «Иногда некоторые товарищи рассматривают крестьян, как философов-материалистов, полагая, что стоит прочесть лекцию о естествознании, чтобы убедить мужика в несуществовании бога» [3, с. 310].

Выдвигая естествознание на передовую безбожной работы большевики блефовали. И иной формы как ложь и / или полуправда у антирелигиозников не было. Необходимо было публично уличить во лжи своих оппонентов. Формально, что и было сделано, язык символов того же христианского учения подвергнуть «сокрушительной» разоблачительной критике было не сложно [4]. Другой вопрос как заставить человека, владеющего этим языком на сознательном или подсознательном уровне не только усомниться в том же священном писании, но и разрушить свои сакральные отношения с Богом. И если в современном мире любой коммунист-атеист начинает понимать, что коммунизм это явление более иллюзорное чем сверхъестественные силы, то в 1920-19230-е гг. необходимо было доказать обратное. Антирелигиозникам предстояло было убедить и многих своих коллег, и население в неминувом успехе безбожия, в возможности реализации предполагаемого плана борьбы с религией и церковью в ближайшей перспективе.

Травля началась уже в 1917 г. Антирелигиозникам предстояло показать религию и церковь в таком виде, что бы верующие от нее незамедлительно отвернулись и отказались. Несмотря на все заверения и заявления о «необходимости избегать оскорбления чувств верующих», об «осторожном отношении к религиозным предрассудкам» параллельно с официальными заявлениями шел процесс навязывания обществу мысли о контрпродуктивности наличия подобных институтов. Большевикам предстояло показать отрицательную роль религии и церкви во всех сферах жизни, как простого советского гражданина, так и социалистического государства, да и человечества в целом. Церкви и религии предстояло стать в представлении людей главным препятствием к нормальному существованию, а носителям религиозных верований как отщепенцы сознательно губящие не только свою жизнь, но и близких людей. В семейно-бытовом плане религия должна была ассоциироваться с запретом на медицинское обслуживание, со сдерживающим фактором распространения агрономических знаний [5, с. 11-18]. Наука и образование выставлялись как антиподы религиозным веро-

ваниям [6, л. 240-245]. Религиозные праздники обозначались как вредительство народно-хозяйственной деятельности и в первую очередь бюджету отдельно взятой семьи [7, л. 158-160]. Предстояло обвинить священнослужителей в алчности, в сопротивлении построения нового светлого будущего [8, л. 108-109].

Реализация подобных установок проводилась как в рамках мощных разовых атак, так и в виде планомерного наступления всего государственного и партийного механизма. Большие надежды антирелигиозники и лично В.И. Ленин связывали с варварским «вскрытием» мощей святых праведников. Кампания была нацелена на «раскрытие векового обмана попов». Отсутствие хорошо сохранившего мумифицированного тела должно было продемонстрировать верующим несостоятельность культа почитания мощей и оттолкнуть их от религии. На самом деле подобные демонстрации «уловок по одурманиванию» на абсолютное большинство не произвели ожидаемого большевиками эффекта. Более того, проводимые в жестокой форме мероприятия вызывали массовое сопротивление населения. Верующие не беспочвенно предполагали о замене мощей либо комиссией для демонстрации обмана, либо монахами и священнослужителями для предотвращения осквернения. В 1922 г. были вскрыты мощи преподобной Евфросинии Полоцкой [9, л. 115].

На трансляцию потока обвинений религии и церкви государство направляло громадные средства. Создавались профильные комиссии со значительным аппаратом. Целые издательства занимались исключительно антирелигиозной тематикой, при этом ответить этой безбожной рати официально было невозможно. Большевики прекрасно понимали свою неконкурентоспособность в противостоянии даже апологетической литературе, решающей, как и антирелигиозники, задачу борьбы с религиозными предрассудками. Священник В.А. Юневич по этому поводу писал в 1926 г. в письме В.И. Сталину: «Дайте 150-миллионному великому верующему народу то, что дается последнему уголовному арестанту: дайте нам право оправдательного слова... Ибо даже во времена мрачного средневековья это слово давалось обвиняемым» [10, л. 2]. Подобные действия со стороны большевиков были абсолютно оправданы. Любой образованный или опытный священник мог своими разъяснениями свети на нет большинство «разоблачений поповского обмана», разрушив плоды многолетнего труда тысяч борцов с религией.

Главной проблемой антирелигиозников явилось непонимание, преднамеренное или нет, различия между борьбой с религиозностью и воцерковленностью. Даже скомпрометировав попа, ксендза, раввина, пастора, муллу, не было оснований ожидать, что это оттолкнет прихожанина от культа. Отыскав кажущиеся для неверующего нестыковки в священных книгах нельзя было надеяться на отказ от вероучения. И наконец, добившись от верующего человека сомнения в правильности, святости, сакральности исповедуемой им религии антирелигиозники не имели действенных способов убеждения в отсутствии сверхъестественных сил. Каких то универсальных методик и не существовало. Естественнонаучное объяснение сил природы, исторических корней религии не могли стать залогом материалистического перевоспитания. На большое количество острых вопросов ответов дано не было. Семья, традиции, уклад жизни, ближайшее окружение являлись определяющими факторами в мировоззренческом поиске. Атеистическая стерильность или абсолютная безрелигиозность общества это предположение теоретиков и порою авантюристов безбожников. И все же антирелигиозная пропаганда, выдвигаемые ею идеи о лживости, контрреволюционности, меркан-

тильности, вредности социалистическому строительству религии и церкви делали в указанном направлении достаточно много. В целом информационная битва большевиками была выиграна. Верующие допустили надругание над своими храмами, святынями, пастырями и своей религией. Православная церковь, имевшая 1 января 1915 г. 212 256 клириков и монахов с 54 692 храмами и 1025 монастырями как организационная структура была уничтожена [11, л. 3]. Расколы, ереси, вольная трактовка канонов и многочисленные «инновации» в культовой практике были ужасающей реальностью. Безбожие, разцерковление стали пуском в процентном отношении и не большим, но уже массовым явлением способным в дальнейшем втянуть в свои ряды десятки миллионов граждан.

Таким образом, проведенное исследование показало, что одной из форм распространения атеистического мировоззрения стране советов была компроматация религии и Церкви. У верующих и священнослужителей не было права не только публично вести дискуссию с безбожниками, но и хоть каким-то образом реагировать на обвинения в свой адрес. Откровенная ложь, подмена понятий, вульгарная трактовка священного писания, осмеяние таинств и традиций являлось нормой. Пусть и не в ожидаемых большевиками темпах, но это способствовало отходу верующих от Церкви. Атеистами в 1920-1930-е гг. становились не многие, на лоно православия без пастырского участия было уже не для них. Не религиозные верования, священники и прихожане были виновны в том, что у них такое вероучение и такая культовая практика, а государство в том, что, не правильно определив угрозы национальной безопасности, выдвинули верующих в свои оппоненты. Никаких оснований полагать что удастся обосновать, доказать опасность для человека всего того что для него совсем недавно было мировоззренческим ориентиром, залогом нормального существования и естественным состоянием у большевиков не было.

Литература:

1. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
2. Логинов, А.В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности // А.В. Логинов. – М.: БРЭ, 2005. – 238 с.
3. Сталин, И.В. Собрание сочинений. / Об очередных задачах партии в деревне // И.В. Сталин. – М.: Политиздат, 1949. – Т. 6 – с. 302-312.
4. Ярославский, Е.М. Библия для верующих и неверующих / Ем. Ярославский. – Ленинград: Лениздат, 1975. – 398 с.
5. Лукачевский, А. Безбожники стройте колхозы / А. Лукачевский. – М.: Безбожник, 1930. – 13 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 6204.
7. Российский государственный архив социально политической истории. – Фонд М1. – Оп. 4. – Д. 11.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд М1. – Оп. 4. – Д. 11.
9. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 91.
10. ГА РФ. – Фонд М1. – Оп. 4. – Д. 11.
11. ГА РФ. – Фонд 5263. – Оп. 1. – Д. 32.